

УДК 101.1

ЦЕННОСТНОЕ ОСНОВАНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

© 2009 г.

И.В. Фролов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

frol120@mail.ru

Поступила в редакцию 23.06.2009

Излагается понимание сущности цивилизации как единого организма, вырастающего в результате действия сложного комплекса разнообразных факторов. Его глубинной основой выступает ансамбль базисных или традиционных ценностей. Формулируется понятие базисных ценностей, на конкретном историческом материале раскрывается их место и роль в жизни цивилизации, обосновывается необходимость изучения данных ценностей для углубления понимания исторического процесса.

Ключевые слова: ценности, базисные ценности, цивилизация, история, исторический процесс.

В социально-философской литературе XX век охарактеризовался сменой представлений о целостности и однолинейности исторического процесса представлениями о разнонаправленности и дискретности исторического развития. Доминирующим в науке стало представление о цивилизациях как о локальных социокультурных системах, порожденных конкретными условиями деятельности и мировоззренческими взглядами людей, населяющих данный регион и специфическим образом взаимодействующих между собой. В результате данного подхода монистическая теория мировой (общечеловеческой) цивилизации дополняется плюралистическим подходом, не позволяющим делить цивилизации на «правильные» и «неправильные», а народы – на исторические и неисторические.

Признание цивилизационного плюрализма еще не решает вопроса о сущности цивилизационного подхода. Дело в том, что в научной литературе существует более двухсот определенных цивилизаций, основанных на преобладании культурологического, социологического, этнопсихологического, географического и других подходов. Такая категориальная неопределенность цивилизации не случайна. Как справедливо отмечает Л.И. Новикова, «распространению понятия цивилизации как ключевого в объяснении исторического процесса, как бы это ни показалось парадоксальным, способствовала его концептуальная неопределенность, если угодно, «эстетическая необязательность», особенно в сравнении с жестко фиксированным понятием общественно-экономической формации» [1, с. 13]. Эта размытость термина позволяет использовать его в различных идейно-теоретических системах, строить с его помощью аль-

тернативные версии, модели исторического развития отдельных стран и народов, будущего человечества в целом. При этом интуитивно угадываемый смысл понятия, его пред-знание обеспечивают возможность взаимопонимания представителей различных школ, а в случае нужды и «мягкой стыковки» отдельных фрагментов истории в общемировую.

Вместе с тем категориальная неопределенность цивилизации обуславливает бесконечные и часто бесплодные дискуссии о сущности цивилизационного подхода. Очевидно, такую единую сущность, особенно с учетом вышесказанного, отыскать непросто и каждый исследователь, приступая к изучению цивилизации, должен определиться в отношении своей теоретической позиции.

Прежде всего отметим, что сводить развитие цивилизации к действию какого-либо одного фактора – географического, этнопсихологического или любого другого – представляется бесперспективным. Более привлекательным является понимание цивилизации как единого организма, вырастающего в результате действия сложного комплекса разнообразных факторов. Именно такой подход преобладает в русской философской традиции. В качестве примера можно обратиться к работе И.А. Ильина «Россия есть живой организм», в которой позиция автора уже отражена в самом названии статьи. Ильин подчеркивает, что развитие России определялось сложным взаимодействием объективных и субъективных факторов.

«Ход русской истории, – писал он, – сложился не по произволу русских государей, русского правящего класса или, тем более, русского простонародья, а в силу объективных факторов, с

которыми каждый народ вынужден считаться» [2, с. 431]. Среди них важнейшую роль играла географическая необходимость, вытекающая из положения России «на отовсюду открытой и лишь условно делимой равнине», что вынуждало постоянно держать самооборону, «замирать равнину оружием и осваивать ее». Политическая необходимость определялась борьбой за выход к морям как единственное средство воспрепятствовать намерениям Европы «запереть Россию в ее безвыходным лесном-степном территориальном и континентальном блоке и превратить ее в объект общеевропейской эксплуатации, в пассивный рынок для европейской жадности». Экономическая необходимость состояла в создании единого хозяйственного комплекса, связывающего различные территории в единое экономическое целое, без которого «Россия покроеся внутренними рубежами и таможенными, и сорок бессильных и беспомощных государств будут бедствовать на сорока монетных системах, ломать себе голову над сорока рабочими вопросами, вести друг с другом таможенные и иные войны и сидеть без необходимого сырья и вывоза».

Ответом народа на действие этих объективных факторов и было создание такой культуры, которая бы не разъединяла, а объединяла различные народы в единую живую целостность. Заканчивает свою статью И. Ильин очень значимым в методологическом отношении выводом: «Итак, Россия есть единый живой организм: географический, стратегический, религиозный, языковой, культурный, правовой и государственный, хозяйственный и антропологический» [2, с. 435].

Цивилизация, как и культура, имеет духовные основания, и в этом плане широко распространенное в историко-философской литературе противопоставление цивилизации и культуры вряд ли можно считать теоретически правильным. Без культуры существование цивилизации немыслимо, поскольку она теряет тогда своего субъекта – человека, способного воспроизводить условия цивилизации и развивать ее. Цивилизация есть социокультурное образование, и этим она отличается от формации, отражающей систему социальных связей безотносительно к культуре.

В реальной истории осуществляется тесное взаимодействие и сопряжение культуры и цивилизации. При этом культура вырабатывает и воспроизводит духовные начала жизнедеятельности, а цивилизация создает механизмы овеществления духа, средства развертывания ценностно-смыслового ядра культуры. Только при

таком взаимопроникновении и взаимообусловливании культуры и цивилизации возможно историческое развитие того или иного народа.

Однако понимание цивилизации как единого социокультурного организма не снимает важнейшего вопроса о ее системообразующем качестве, то есть о той части цивилизационного организма, которая выполняет роль своеобразного интегратора, соединяющего все многообразие факторов в живое целое. С нашей точки зрения, таким интегральным основанием цивилизации выступает ее система базисных или традиционных ценностей.

Такие ценности аккумулируют исторически накопленный социальный опыт того или иного народа. В них человек отражает, оценивает, понимает мир, сводит в целостное мировоззрение все явления действительности, связывает прошлое, настоящее, будущее самого себя, общности и социума.

Содержательно базисные ценности являются значимостями, которые связаны с понятием данной цивилизацией человека, его жизни и смерти, с отношением к процессам воспроизводства жизни, с трактовкой взаимодействия личности и общества, человека и государства. Традиционные ценности определяют, какие формы солидарности индивидов и их коллективных связей существуют и постоянно воспроизводятся в общественной жизни.

Выступая основой социокультурной идентификации, традиционные ценности являются установлениями для многих поколений, превращаются в основу исторической памяти народа как представления об общности происхождения и общности исторических судеб, об историческом прошлом, как устойчивом компоненте самосознания цивилизации.

Базисные ценности служат основой цивилизационного общественного консенсуса. Они составляют фундамент социального взаимопонимания и взаимодействия людей, делают цивилизацию единым целым, а не просто разрозненным скоплением людей и социальных групп. Одна из важнейших их функций – поддержание стабильности и порядка как основы жизни любого общества. Они обеспечивают устойчивость социокультурной системы, привносят в общество естественным и ненасильственным образом стабильность и преемственность, необходимые ему в процессе развития.

Сформированные традиционные ценности как универсалии культуры обеспечивают своеобразную сортировку многообразного, исторически изменчивого социального опыта. Благодаря этому он включается в процесс трансляции

и передается от человека к человеку, от поколения к поколению. Далеко не все ценности, присущие цивилизации, включаются в состав базисных. Лишь небольшая часть опыта сохраняется в сознании в виде традиционного. Традиционные ценности – это информационная основа социального наследования, которая обеспечивает воспроизведение структуры, принципов функционирования, процессов социализации в рамках определенной цивилизации. Основные отселектированные содержания традиционных ценностей передаются, осваиваются в процессе социализации социальных субъектов, фиксируются в многообразных информационных формах: в социальных институтах, теоретических концепциях, официальных программах обучения, правилах поведения и т.д. В совокупности эта многослойная социальная память общества образует как бы информационную матрицу, по которой воспроизводятся структура функционирования данной цивилизации, способы взаимодействия ее органов.

Понятие «традиционные ценности» указывает на повторение во многом идентичных ценностных значений на протяжении многих поколений. Однако это вовсе не означает косности или абсолютной неизменности данных ценностей. Развитые традиционные ценности не ограничены требованием подражать заключенным в них правилам действий и для выполнения своей социальной функции нуждаются в сознательном истолковании своего содержания, что определяет возможности их изменения без утраты их глубинного, сущностного смысла.

Развитие цивилизации неразрывно связано с изменением ее ценностных компонентов, восприятием и принятием инноваций. Передача традиционных ценностей одновременно предстает как механизм социальной эволюции, совмещающий основные характеристики наследственности, изменчивости и селекции; обеспечивающий воспроизведение социальной структуры, принципов ее функционирования.

Таким образом, традиционные ценности не являются мертвым бременем, а, напротив, постоянно обновляющимся достоянием. Традиционные ценности – это одновременно и древнее правило, постоянно переживаемая норма, но и синтез древнего принципа и нововведения, постоянное приспособление прошлого к настоящему и будущему. Незнание, непонимание данных ценностей закрывает путь к пониманию происходящих в обществе трансформаций, основных тенденций совершающегося процесса.

До недавнего времени при изучении исторического процесса в Европе упор делался прежде

всего на разрыве той или иной эпохи с предшествующим периодом. Средневековье знаменует собой разрыв с античностью, Ренессанс – со Средневековьем, Просвещение с Ренессансом и т.д. За рамками внимания историков оставалось то глубинное и сущностное, что связывает в единое целое эти разительно не похожие друг на друга эпохи, а именно – базисные ценности европейской цивилизации. Необходимо также отметить, что при рассмотрении европейской культурной традиции практически все без исключения историки исходят из идеи о решающей роли в ней одного только греко-латинского наследия. Варварские верования и ценности понимаются как нечто, не играющее в данной традиции самостоятельной роли и потому не заслуживающее внимания. Такая позиция приводит к значительным искажениям реальной истории.

Одна из презумпций, которыми явно или неявно руководствуются исследователи европейской цивилизации, состоит в том, что индивидуальность Нового времени представляет собой итог длительного развития, его венец. Пишут о «рождении индивида», о его «открытии» или становлении в сравнительно недавний период европейской истории. Предполагается, следовательно, что до XVI, XIV или, в лучшем случае, до XII столетия (в зависимости от принятой тем или иным историком концепции) неправомерно говорить о личности и тем более об индивидуальности. Как правило, приводят ставшую крылатой формулу Ж. Мишле, повторенную Я. Буркхардтом, об «открытии мира и человека» в эпоху Ренессанса в Италии. Что касается предшествовавшего времени, в первую очередь средневековой эпохи, то, согласно этой точке зрения, говорить о ее человеке можно лишь как о родовом или групповом существе, которое способно идентифицировать себя только в недрах коллектива. Но так ли это?

Обратимся прежде всего к варварскому компоненту европейской истории. Людей древнегерманского и скандинавского мира традиционно рассматривают в виде безликой массы, включающей всякое личностное начало. Изучение германских и в особенности скандинавских источников свидетельствует об обратном. Как отмечает А.Я. Гуревич, индивид в обществе языческой Северной Европы «отнюдь не поглощался коллективом — он располагал довольно широкими возможностями для своего обнаружения и самоутверждения» [3, с. 43].

Традиционная для историографии картина общественного и хозяйственного строя древних германцев, в которой на передний план выдвиг-

гаются община и свойственные ей распорядки, опровергнута исследованиями и открытиями второй половины XX столетия. Исследования археологов, специалистов по исторической картографии, почвоведению, климатологии, палеоботанике, радиоуглеродному анализу, аэрофото съемке и в особенности по истории поселений не оставляют сомнений в том, что в древней Германии и Скандинавии общинные порядки не имели того значения, которое им придавали приверженцы «марковой теории» XIX века.

Преобладающей формой поселения германцев и скандинавов издревле был хутор, обособленный двор, а отнюдь не деревня. Слова Тацита о том, что германцы «не выносят, чтобы их жилища соприкасались между собой; селятся в отдалении друг от друга и вразброд, где кому приглянулся какой-нибудь ручей, или поляна, или лес», получили свое полное подтверждение в находках археологов. Открытые на территории Германии остатки сельскохозяйственных дворов, относящиеся ко времени между серединой I тысячелетия до н.э. и вплоть до Великого переселения народов, следы «древних полей», разделенных межами и каменными валами, – все это свидетельствует о в высшей степени устойчивом обычае жить обособленно и вести хозяйство, всецело полагаясь на силы отдельной семьи. Если со временем хутор разрастался, то он не превращался в сколько-нибудь обширную деревню, но оставался совокупностью немногих усадеб.

Это наблюдение вполне согласуется и со всем тем, что известно о древних и раннесредневековых поселениях на территории скандинавских стран. Индивидуальный двор — не только всецело преобладающая форма организации человеческой жизни, отвечающая хозяйственной активности скотоводов и оседлых земледельцев, но и модель, которая лежит в основе их представлений о мире. Обжитой мир, согласно германо-скандинавскому мифу и эпосу, есть не что иное, как совокупность обособленных дворов [3, с. 50]. Подобная структура поселений исключала существование сельской общины, с идеей которой столь долго носились историки. Хуторская форма поселения была связана с индивидуальным владением и использованием полей, лугами, лесами и прочими угодьями.

Изучение германо-скандинавских мифов, песней «Старшей Эдды», поэзии скальдов позволяет проникнуть в мир ценностных представлений людей той эпохи. Они неизменно стремятся избежать близкого соседства и нуждаются в создании вокруг своей усадьбы об-

ширного и никем не занятого пространства, которое предоставило бы им возможности как для удовлетворения их потребностей и хозяйственной инициативы, так и для обеспечения безопасности их самих и их семьи. Родичи и свойственники не представляли собой сплоченного коллектива. Основной сюжет саг об исландцах – вражда между индивидами или целыми семьями, нередко перераставшая в кровавую месть, но это не борьба между сплоченными кланами сородичей – враждовавшие между собой группы состояли из лиц, которые сплошь и рядом преследовали собственные интересы.

Наибольший интерес представляют «Речи Высокого» – одна из наиболее обширных песней «Эдды». Если в других песнях фигурируют языческие боги либо древнескандинавские герои, то здесь основным действующим лицом является простой человек, попадающий в самые разные повседневные ситуации. «Речи Высокого» в основной своей части содержат поучения житейской мудрости, в том числе поговорки и афоризмы, имевшие широкое хождение в древнескандинавском обществе.

Впечатление, складывающееся при их чтении, таково: человек, которому адресованы эти многочисленные наставления, – одинок. Ему приходится одному пробиваться в недружелюбном и чреватом многими опасностями мире, полагаясь лишь на собственные смекалку и силу. Поэтому идея, которая неустанно варьируется почти на всем протяжении песни, – мысль о том, что человек должен быть осторожным и вести себя максимально осмотрительно. Ибо мир полон каверз, необходимо постоянно быть начеку – дома и вне его, в компании, на пиру, в пути, на судебном собрании, даже в объятьях женщины. Ни на миг мужчина не должен расставаться со своим оружием.

Песнь начинается с максимы: при входе в чужой дом необходимо прежде всего осмотреть двери и оглядеться по сторонам, дабы удостовериться в том, что там нет недругов. Но даже если такой угрозы не существует, осторожность остается императивом поведения. Будучи в гостях, надлежит быть сдержанным и скорее молчаливым, нежели болтливым, ко всему прислушиваться и внимательно присматриваться. Принимая гостей у себя в доме, надлежит быть приветливым и искусным в речах, но прежде всего следует сохранять разум [4, с. 56–65].

Об уме и мудрости, то и дело упоминаемых в песни в качестве условий правильного, успешного поведения индивида, нужно заметить, что они представлялись преимущественно как

осмотрительность и хитрость, а вовсе не как многознание. Нужно постараться заставить разговариваться других и вместе с тем как можно меньше выдать собственные мысли и намерения. Недоверчивость и лицемерие поэтому поощряются. Питая злые намерения по отношению к противнику, лучше всего скрывать их за улыбками и сладкими речами. Таким образом, недоверие ко всем и ко всему, необходимость неусыпного самоконтроля — лейтмотив песни.

«Герой» песни буквально одержим боязнью, что другие люди примут его за глупца; он постоянно фиксирует, не нанесен ли какой-либо ущерб его достоинству. На любое оскорбление или посягательство или на то, что он счел таковым, герой саги готов ответить ударом меча или копья. Но, даже испытывая сильнейшее волнение, он не подает вида. Тая месть обидчику, он не спешит с ее осуществлением, если тому не благоприятствуют обстоятельства. Он не станет изливаться в жалобах или гневных речах. Даже будучи внутренне натянут как струна, он сохранит внешнюю сдержанность. Скрытность — руководящий норматив социального поведения в этом обществе, в котором трудно заручиться поддержкой и благожелательностью.

Не удивительно, что в таком обществе одной из важнейших ценностей становится право, как единственное средство защиты от посягательств со стороны ближнего. О высочайшей значимости правовых норм в сознании людей данной культуры свидетельствует одна из саг «Эдды». Она рассказывает о том, что покойники причиняли массу неприятностей жителям усадьбы и всячески им вредили — до тех пор, пока им не был вчинен иск и не устроен судебный процесс в доме хозяев усадьбы, точно такой же процесс, какой возбуждали против живых преступников. Выходцев с того света обвинили во вторжении в жилище и в лишении людей здоровья и жизни. Были назначены свидетели обвинения и соблюдены все необходимые формальности. После того как был вынесен приговор, призракам пришлось покинуть усадьбу и, подчиняясь судебному решению, более в нее не возвращаться [4, с. 127]. Как видим, даже призраки в этом «правовом» обществе безусловно чтут законы.

Изучение германско-скандинавского общества привело А.Я. Гуревича к выводу о глубоко укорененном в нем архаическом индивидуализме. Он подчеркивает: «ни в имущественном, ни в социальном, ни в психологическом отношении человек не растворялся в роде или ином коллективе. Он представлял собой относительно суверенную единицу, эгоистически преследовавшую собственные интересы.

Столкновения разнородных устремлений и порождаемые ими тяжбы и кровавые конфликты постоянно изображаются в сагах» [3, с. 52]. Таким образом, «война всех против всех», о которой писал Гоббс в XVII веке, характеризуя современное ему общество, имеет более глубокие корни, чем представляется большинству историков.

Здесь уместно вспомнить о точке зрения Альфонса Допша, сформулированной еще в первой трети XX столетия. Австрийский историк по-новому поставил ряд вопросов социальной и экономической истории Европы на заре Средневековья. Его теория зарождения капитализма во Франкском государстве, в свое время вызвавшая оживленную дискуссию, была подвергнута во многом справедливой критике, и не о ее возрождении идет речь. Но существенно, что Допш подчеркнул роль индивидуалистического начала в жизни Запада в раннее Средневековье. Он не ограничился исследованием хозяйственных основ общества и указал на целый ряд феноменов, свидетельствующих, по его убеждению, об односторонности господствующего взгляда на человека той поры как на безликую особь, якобы полностью растворяющуюся в родовой общине, в типе и лишенную самостоятельности в своем поведении, во взглядах на мир. Возражая Карлу Лампрехту, который характеризовал раннее Средневековье как период «типизма» в духовной жизни, Допш настаивал на том, что начало Средних веков отмечено «индивидуализмом» (отнесенным Лампрехтом, как и многими другими учеными, ко временам Ренессанса или даже к XVI–XVIII столетиям). Ограничения, которые налагались на проявление индивидуального начала в экономической и социальной жизни и сделались правилом в период развитого Средневековья (возникновение корпоративного строя, хозяйственное регулирование и монополизация контроля над торговлей, «цеховое принуждение», обязывавшее всех мастеров данной специальности вступать в цех и подчиняться его уставу и т.п.), — все эти тенденции отсутствовали в начале этой эпохи.

Предположения Допша относительно хозяйственного строя германцев во многом подтвердились во второй половине XX века. Их образ жизни действительно был отмечен печатью личной инициативы. Ее нетрудно разглядеть и в «Истории франков» Григория Турского, и в памятниках права начального периода Средневековья, таких как, например, «Салическая правда».

Сказанное не означает, что следует отождествлять модели поведения, запечатленные в

песнях «Старшей Эдды», с индивидуализмом людей Ренессанса или сопоставлять «дух капитализма» с хозяйственной этикой Каролингской эпохи. Но их глубинная аксиологическая общность не вызывает сомнения.

В своих последних работах А. Гуревич высказывает идею, чрезвычайно важную для рассматриваемой проблемы. Известно, что важнейшей вехой, отделяющей Средневековье от Нового времени, явилась Реформация. Возникновение протестантизма со времен Макса Вебера связывают с утверждением индивидуалистических ценностей. Но если взглянуть на культурно-религиозную карту Западной Европы XVI века, то можно увидеть, что в общем и целом это мощное движение, глубоко затронувшее всю толщу европейского общества, привело к воспроизведению на новой основе старого разделения латинского Юга и германского Севера: Реформация победила и утвердилась в германских странах, тогда как католицизм сумел отстоять свои позиции среди народов романизованного Средиземноморья. Не означает ли этот исторический факт, что ментальная почва Севера была более подготовлена к воспроизведению идей, установок сознания и ценностей, которые издавна были присущи культурному сознанию индивидов этого региона? [3, с. 136]. Базовая структура личности про-

демонстрировала свою историческую устойчивость.

Признание необоснованности учения о «рождении» личности на Западе в период высокого и позднего Средневековья и о том, что этот процесс протекал якобы последовательно эволюционно, из века в век, набирая силу по мере приближения к Ренессансу, позволяет сделать вывод о наличии базисных ценностей европейской цивилизации. Данные ценности сохраняют свою типологическую общность на протяжении всей истории Западной Европы, выступая в качестве глубинной основы ее цивилизации.

Признание базисных ценностей позволяет по-новому взглянуть не только на историю европейской цивилизации, но и на историю иных цивилизаций, еще раз поставить под сомнение широко распространенное представление о неизбежности европейского пути развития для всего мира.

Список литературы

1. Новикова Л.И. Цивилизация как идея и как объяснительный принцип исторического процесса // Цивилизация. Вып.1. М.: Наука, 1992. 231 с.
2. Ильин И.А. Россия есть живой организм // Русская идея. М.: Республика, 1992. 496 с.
3. Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: РОССПЭН, 2005. 424 с.
4. Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. М.: Наука, 1963. 273 с.

THE VALUABLE BASE OF A CIVILIZATION

I.V. Frolov

In clause the position of the author in understanding of essence of a civilization is stated. The civilization is presented as the uniform organism growing as a result of action of a complex of various factors. As its deep basis the ensemble basic or traditional values acts. The concepts of basic values is formulated, on a concrete historical materials, necessity of studying of the given values for a deepening of understanding of historical process proves.

Keywords: values, basic values, civilization, history, historical process.